

М О З Г Ъ и М Ы С Л Ъ.

МОЗГЪ И МЫСЛЬ.

СОЧИНЕНИЕ

ПОЛЯ ЖАНЕ.

✱

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Въ приложеніи къ этому сочиненію брошюра «Человѣкъ и обезьяна».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Дозволено духовною цензурою. С.-Петербургъ, мая 31 дня 1868 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе это—перепечатка, въ значительно распространенномъ видѣ, двухъ статей, помѣщенныхъ въ *Revue des Deux-Mondes* за іюнь и іюль мѣсяцы 1865 года. Статьи эти составляютъ дополненіе къ критическимъ этюдамъ нашимъ о современномъ материализмѣ, и могли бы занять мѣсто въ изданной нами подъ этимъ заглавіемъ книгѣ, такъ благосклонно принятой благомыслящими людьми всѣхъ партій. Никто не упрекнетъ насъ, будто мы относимся съ ненавистью или съ гнѣвомъ къ своимъ противникамъ; напротивъ, мы даже довольны тѣмъ, что они доставляютъ намъ случай ближе познакомиться съ дѣломъ и отдать болѣе строгій отчетъ въ нашихъ собственныхъ мнѣніяхъ.

По поводу означенныхъ этюдовъ мнѣ сдѣлали нѣсколько критическихъ замѣчаній, на которыя считаю обязанностью отвѣтить, чтобы объяснить духъ и предметъ этого труда.

Мнѣ говорятъ: вы боитесь, кажется, чтобы открытіе точныхъ и опредѣленныхъ отношеній между разумностью и мозгомъ не поставило спиритуалистическаго ученія въ затруднительное положеніе и не подвергло опасности самаго бытія души. Не значить ли это

ставить нравственную истину въ зависимость отъ заключеній фізіологій? Еслибы даже и удалось этой наукѣ установить прочно тѣ отношенія, которыя вы признаете такъ не твердыми, то развѣ слѣдовало бы отселѣ, что матеріализмъ правъ и что душа химера? Не значить ли это переносить вопросъ на такую почву, на которую такъ выгодно для самаго матеріализма перенести его,—потому что если въ настоящее время и не имѣетъ онъ на своей сторонѣ достаточныхъ основаній, то можетъ разсчитывать въ-послѣдствіи достигнуть ихъ, въ надеждѣ, что фізіологія съ каждымъ днемъ будетъ представлять новыя доказательства зависимости души отъ тѣла? Не лучше ли было бы прямо сказать, что еслибы и оправдались подобныя предположенія, то и въ этомъ случаѣ все-таки не было бы доказательствъ противъ бытія души? Убѣжденіе въ бытіи души основывается на психологическихъ и нравственныхъ доказательствахъ, которыя не зависятъ отъ фізіологій. Пусть даже (чего, конечно, никто не можетъ отвергать) она будетъ зависѣть отъ опредѣленныхъ условій организма, все-таки отселѣ никакъ не слѣдуетъ, что душа—это тѣже самыя условія.

Это совершеннѣйшая истина,—и я чѣмъ угодно готовъ подтвердить все это. Дѣйствительно, бытіе души основывается на нравственныхъ и психологическихъ доказательствахъ, которыя не зависятъ отъ фізіологій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти доказательства сохранили бы всю свою силу и въ томъ случаѣ, еслибы фізіологій удалось съ точностью и неопровержимостью разъяснить нѣкоторыя строго опредѣленные отношенія между разумностью и мозгомъ. Но, допуская все это, не кстати ли спросить: открыто ли на самомъ дѣлѣ и доказано ли, что дѣйствительно существуютъ въ настоящее время такія точныя отношенія? Не вправѣ ли мы подвергнуть критикѣ положеніе Кабаниса, что «нравственность — это только назнанку вывороченная физика (*le physique retourné*)?» Нѣтъ сомнѣнія, что физика играетъ важную роль въ отправленіи мысли; но слѣдуетъ ли изъ этого, что она составляетъ здѣсь все? Можно ли считать,

что доказана безусловная зависимость души отъ тѣла, когда не указано съ точностію и несомнѣнностію, что именно служить прямою и исключительною причиною разумности? Говорить, что это вѣсъ или объемъ мозга, число или глубина его складокъ, такая или другая форма, то или другое строеніе, тотъ или другой химическій составъ его и пр.,—не значить ли открыто сознаваться, что мы не знаемъ того, о чемъ идетъ дѣло? Такъ ли бываетъ въ физикѣ, когда открыли истинную причину какого-нибудь явленія? Можно ли встрѣтить въ такомъ случаѣ колебаніе между тысячею различныхъ, произвольныхъ и даже противоположныхъ другъ другу, предположеній?

Словомъ, употребляя схоластическое выраженіе, въ основаніи доказательства матеріалистовъ лежатъ двѣ посылки, изъ которыхъ одна, большая, можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: если мысль находится въ прямой зависимости отъ состоянія мозга, то она не что иное какъ свойство мозга,—а другая, меньшая, такимъ образомъ: но на самомъ дѣлѣ мысль находится въ прямой зависимости отъ состоянія мозга. Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на большей послѣдней, такъ какъ она тысячу разъ уже была опровергнута. Но зато меньшая никогда еще не подвергалась серьезной и строгой критикѣ. Такую-то критику мы и попытались сдѣлать. На нашъ взглядъ, изъ дѣйствительно извѣстныхъ фактовъ вовсе не вытекаетъ, чтобы въ разумности не заключалось ничего такого, что не было бы результатомъ извѣстнаго видоизмѣненія мозга. Опытъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что мозгъ извѣстною и даже весьма значительною долею участвуетъ въ отправленіи мысли; но чтобы онъ составлялъ единственную причину и вѣрную мѣрку мысли—это-то именно и не доказано.

Безъ сомнѣнія, нельзя не согласиться, что какъ скоро споръ касается чисто экспериментальнаго (который можетъ быть только разрѣшенъ опытомъ) вопроса, то уже это самое обязываетъ отказаться отъ мнѣнія, которое опровергается опытомъ. Въ эксперимен-

тальной области отрицательныя доказательства никогда не имѣютъ силы въ строгомъ смыслѣ доказательствъ: съ этимъ я первый согласенъ. Поэтому, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я напередъ говорю, что я хотѣлъ сказать только то, что, при настоящемъ состояніи науки, ничто такъ мало не доказано, какъ абсолютная (безусловная) зависимость мысли отъ мозга. Что скажетъ наука объ этомъ предметѣ въ послѣдствіи, — мы этого не знаемъ; наши потомки будутъ оцѣнивать факты, которые будутъ въ ихъ время извѣстны, точно также, какъ и мы, съ своей стороны, можемъ рассуждать только о тѣхъ фактахъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи. Во всякомъ случаѣ, если дѣло таково, какимъ оно представляется намъ, то мы никакъ не можемъ согласиться считать, вмѣстѣ съ матеріалистами, доказаннымъ строгое соотношеніе (между мозгомъ и мыслью), которое они выставляютъ противъ насъ, и которое, — сказать правду, — ихъ единственное доказательство.

Еще говорятъ: правда ли, что въ наукѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго касательно отношеній между мозгомъ и разумностью? На какомъ основаніи кто-нибудь сталъ бы считать недоказаннымъ, что мозгъ органъ мысли? Ссылаются на мнимыя противорѣчія, представляющіяся будто-бы въ научныхъ наблюденіяхъ; но источникъ ихъ единственно въ томъ, что рассматриваются порознь такія условія, которыя имѣютъ силу только въ-совокупности. Нѣтъ, мысль не зависитъ исключительно отъ одного какого-нибудь условія: она не зависитъ въ-отдѣльности ни отъ массы мозга, ни отъ строенія его, ни отъ химическаго состава, ни отъ электричества, ни отъ фосфора и т. п. Она обусловливается всѣми этими обстоятельствами, взятыми вмѣстѣ и въ гармоническомъ соединеніи. Она есть произведеніе всѣхъ силъ (*résultante*). Поэтому, если будемъ рассматривать въ-отдѣльности, какой-нибудь изъ указанныхъ элементовъ мысли, то неизбежно наткнемся на необъяснимыя исключенія.

Пусть будетъ такъ; я допускаю это заключеніе, и оно, на мой взглядъ, дѣйствительно, самый ясный результатъ научныхъ изслѣдованій о занимающемъ насъ вопросѣ. Пусть, говорю я, мысль—произведеніе всѣхъ силъ, зависящее отъ весьма разнообразныхъ условій. Но кто поручится вамъ, что одно изъ этихъ условій не сама та, именно, мыслящая сила, которую мы называемъ душею? Увѣрены ли вы въ томъ, что знаете всѣ условія, отъ которыхъ происходитъ отправленіе мысли? А если вы всѣхъ ихъ не знаете, то что можетъ служить для васъ гарантіею (ручательствомъ) въ томъ, что одно изъ этихъ условій и притомъ, можетъ быть, главное, не присутствіе именно невидимаго начала, упущеніе котораго изъ виду разрушаетъ всѣ ваши расчеты? Всѣ лучшіе наблюдатели единогласно сознаются, что между фізіологическими условіями есть нѣкоторыя такія, которыхъ намъ никакъ не удастся уловить, и что въ этой задачѣ все-таки остается одно или и болѣе неизвѣстныхъ. Почему бы одному изъ этихъ неизвѣстныхъ и не быть самою душею? Вѣдь не колеблется же Ляйель, одинъ изъ ученыхъ, съ особенною смѣлостью пустившихся по новымъ путямъ, писать слѣдующее: «мы не должны считать дѣломъ рѣшеннымъ, что всякое улучшеніе способностей души зависитъ отъ усовершенствованія тѣлеснаго строенія,—потому что почему же, въ планѣ прогрессивнаго развитія, душа, то есть совокупность всѣхъ высшихъ моральныхъ и интеллектуальныхъ способностей, не могла бы быть поставлена, вмѣсто втораго, на первомъ мѣстѣ? *).

Платонъ, въ лучшемъ изъ своихъ діалоговъ (разговоровъ), вложивши въ уста Сократа удивительную аргументацію бытія души и будущей жизни, выводитъ вслѣдъ затѣмъ противника, который предлагаетъ Сократу вопросъ: не похожа ли душа на гармонию лиры, болѣе прекрасную, болѣе величественную, болѣе божественную, нежели сама лира, но которая однако не составляетъ ничего

*) Lyell, Ancienneté de l'homme, ch. XXIV, traduction française p. 532.

внѣ лиры, и потому вмѣстѣ съ нею разрушается и исчезаетъ? Точно также думаютъ тѣ, для которыхъ душа не болѣе, какъ сумма мозговыхъ дѣйствій; но они забываютъ, что лира не извлекаетъ сама собою, собственною силою, чарующихъ насъ звуковъ, и что всякій инструментъ предполагаетъ музыканта. По нашему мнѣнію, душа и есть этотъ музыкантъ, а мозгъ—инструментъ, изъ котораго онъ извлекаетъ звуки. Я знаю, что Бруссе много насмѣхался надъ гипотезой маленькаго музыканта, скрытаго въ глубинѣ мозга. Но развѣ менѣе странно и менѣе смѣшно предполагать инструментъ, который одинъ, самъ собою, исполняетъ, мало того, даже сочиняетъ великолѣпныя симфоніи? Не принимая буквально этой гипотезы, которая все-же-таки не болѣе, какъ сравненіе, мы однако-же можемъ пользоваться ею, какъ удобнымъ средствомъ наглядно представить открытыя наблюденіемъ явленія.

Прежде всего мы ясно видимъ, что какъ бы ни былъ великъ геній музыканта, но если только онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакого инструмента, или даже человѣческаго голоса, то онъ ничѣмъ не можетъ обнаружить своего генія; при отсутствіи этихъ условій, этотъ геній не могъ бы даже ни родиться, ни развиваться. Мы видимъ отселѣ, что душа, будучи связана съ тѣломъ уродца, не имѣющаго головы, никакимъ способомъ не могла бы обнаружить своихъ врожденныхъ способностей, не могла бы даже имѣть о нихъ сознанія. Эта душа какъ будто не существовала бы. Мы видимъ далѣе, что превосходный музыкантъ, который имѣлъ бы въ распоряженіи слишкомъ дурной инструментъ, могъ бы дать лишь весьма несовершенное понятіе о своемъ талантѣ. Не менѣе ясно, что два музыканта, которые, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, будутъ играть на двухъ не равнаго достоинства инструментахъ, будутъ въ нашемъ сужденіи относиться одинъ къ другому, какъ ихъ инструменты. Точно также двѣ души, обладающія въ-сущности одинаковою способностью мыслить, будутъ обнаруживаться различно, соотвѣтственно различію мозговъ. Наконецъ, превосходный

музыкантъ, имѣя превосходный инструментъ, достигнетъ высшей степени совершенства въ музыкальномъ исполненіи. Однимъ словомъ, еслибы не было никакихъ другихъ фактовъ, кромѣ только что указанныхъ, то мы могли бы почти съ полною достовѣрностью заключать отъ инструмента къ музыканту, равно какъ отъ мозга къ мысли, и измѣрять музыкальный геній достоинствомъ инструмента, какъ матеріалисты измѣряютъ интеллектуальный геній вѣсомъ, формою, качествомъ фибръ мозга.

Но, кромѣ изложенныхъ, есть еще и другіе факты. Мы видимъ, напримѣръ, что посредственный музыкантъ имѣетъ посредственный успѣхъ и при превосходномъ инструментѣ и что, напротивъ, превосходный музыкантъ производитъ удивительный эффектъ на посредственномъ инструментѣ. Въ этихъ случаяхъ геній не измѣряется уже матеріальнымъ инструментомъ. Мы видимъ, какъ поврежденія инструмента восполняются геніемъ исполнителя, какъ испорченный и сломанный инструментъ становится источникомъ удивительныхъ впечатлѣній подъ руками вдохновеннаго и великаго артиста. Мы знаемъ, какъ Паганини изъ одной струны скрипки извлекалъ такіе эффекты, которыхъ обыкновенный артистъ напрасно сталъ бы искать на полномъ инструментѣ, хотя бы даже послѣдній былъ произведеніемъ искуснѣйшаго изъ скрипичныхъ мастеровъ; мы знаемъ, какъ безголосый Дюпре, душою своего пѣнія, повергалъ въ прахъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ геній, очевидно, не измѣряется достоинствомъ и цѣлостію инструмента, которымъ онъ пользуется. Геній будетъ неизвѣстною величиною, предъ которою станутъ въ-тупикъ всѣ вычисленія. То же самое можно сказать о душѣ и мозгѣ: въ большинствѣ случаевъ и при грубомъ взглядѣ на вещи, послѣдній будетъ выраженіемъ первой; но точно также встрѣтятся случаи, когда расчеты будутъ опрокинуты, когда инструментъ перестанетъ служить личной мѣрой для оцѣнки достоинства внутренняго, соединеннаго съ нимъ, артиста. Отселѣ тѣ неправильности, тѣ исключенія, которыя фи-

зіологи встрѣчаютъ всякій разъ, какъ хотятъ подчинить строгимъ законамъ отношенія мозга и мысли. Внутренняя, тайная, первая сила отъ нихъ скрывается, и они схватываютъ только грубые и несовершенные ея слѣды.

П. Ж.

МОЗГЪ И МЫСЛЬ.

ГЛАВА I.

Современные труды.

Нужно быть справедливымъ ко всѣмъ, даже къ доктору Галлю. Какое бы ни возбуждали недовѣріе его заносчивыя гипотезы, тѣмъ не менѣе, по словамъ самыхъ компетентныхъ ученыхъ, его нужно признать однимъ изъ основателей анатоміи мозга. Хотя френологія и кажется химерой, хотя къ ней примѣшано много шарлатанства, однако она послужила исходнымъ пунктомъ и сигналомъ прекрасныхъ экспериментальныхъ изысканій нашего времени о взаимныхъ отношеніяхъ мысли и мозга. Конечно, Галлеръ, Зѣммерингъ и, еще до нихъ, Уиллисъ еще прежде него приступили къ этимъ труднымъ изслѣдованіямъ; но Галль, своими серьезными открытіями, равно какъ своею смѣлою системою, далъ имъ могучій толчокъ, и съ-тѣхъ-поръ сдѣлано на этомъ пути очень много важныхъ изысканій. Безъ сомнѣнія, можно было бы ожидать лучшихъ результатовъ; но не слѣдуетъ забывать, что изысканія еще совершенно новы, и что результаты сами по себѣ все-таки имѣютъ истинный интересъ. Можетъ быть также, какъ нѣкоторые и думаютъ, по самой природѣ вещей, анатомы въ этой области всегда встрѣчаются съ однимъ или нѣсколькими неизвѣстными; но уже одинъ этотъ фактъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Какъ бы то ни было, для философіи очень важно изслѣдовать: что наука успѣла до-сихъ-поръ открыть

на этомъ столь новомъ, столь темномъ и столь щекотливомъ пути? Философію слишкомъ часто упрекали въ томъ, что она замыкается сама въ себѣ и не принимаетъ участія въ работахъ, которыя идутъ вокругъ нея и такъ близко соприкасаются съ ея предметами,—и потому ей навѣрное позволять, несмотря на некомпетентность ея по части анатоміи, собрать, въ сочиненіяхъ наиболѣе авторитетныхъ учителей, все то, что можетъ интересовать какъ ее, такъ и людей, привыкшихъ къ этого рода изслѣдованіямъ.

Положительные фізіологи имѣютъ привычку упрекать философовъ въ томъ, что они приступаютъ къ такимъ вопросамъ безъ достаточнаго безпристрастія, — что, отправляясь отъ извѣстныхъ, предвзятыхъ идей, отъ извѣстныхъ метафизическихъ гипотезъ, они, во имя этихъ гипотезъ прямо предъявляютъ отводъ всѣмъ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ о фізіологическихъ условіяхъ мысли. Ихъ обвиняютъ въ склонности переиначивать факты, пригонять ихъ къ своимъ желаніямъ или опасеніямъ, умалчивать объ однихъ, преувеличивать другіе, и все за тѣмъ, чтобы любимая догма (ученіе), бытіе души, съ триумфомъ вышла изъ испытанія, которому подвергаютъ ее анатомія и фізіологія. Я не стану разсматривать, насколько основательны подобныя обвиненія; но если даже предположить ихъ основательность, то они легко могутъ быть обращены на самихъ тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ, потому что, въ-слѣдствіе противоположнаго предразсудка, эти люди часто впадаютъ въ обратную ошибку: они точно также предубѣждены противъ бытія души, какъ ихъ противники въ пользу этого бытія; они точно также подбираютъ факты, чтобы приспособить ихъ къ любимой гипотезѣ, и если кто случайно дѣлаетъ намекъ на какое-нибудь метафизическое существо, они тотчасъ же останавливаются, говоря, что это не научно. Но почему же такъ? Если есть душа, то нѣтъ ничего научнѣе, какъ сказать, что она есть; и, наоборотъ, нѣтъ ничего не научнѣе, какъ говорить, что ея нѣтъ. Я желаю, чтобы при изслѣдованіи фактовъ ничего не предполагалось напередъ, но такое условіе должно одинаково распространяться какъ на одну, такъ и на другую сторону. Не вѣрящій ни во что, кромѣ матеріи, не долженъ присвоивать себѣ монополію научной истины и отсылать въ страну химеръ того, кто вѣритъ въ духъ. насъ могутъ попросить отсрочить на время рѣшительное сужденіе; но эта отсрочка не должна да-

вать перевѣса никому; перемиріемъ не нужно пользоваться для того, чтобы занять мѣсто въ странѣ, служащей предметомъ спора.

Таковы правила истинно научнаго метода и серьезнаго безпристрастія, которыми мы будемъ руководствоваться въ этихъ изслѣдованіяхъ о мозгѣ и мысли. Мы попытались здѣсь познакомить читателей съ новѣйшими и знаменитѣйшими трудами по этому важному предмету. Нѣтъ надобности говорить, что въ этой отрасли знаній одно изъ первыхъ именъ Флуранъ (Flourens). Онъ оданъ изъ тѣхъ людей, которыхъ ложныя доктрины Галля заставили поискать истины съ помощію болѣе научныхъ методовъ; онъ одинъ изъ первыхъ примѣнилъ экспериментальный методъ къ нашему вопросу. Мы нѣтъ надобности рѣшать—такъ ли, какъ онъ самъ думаетъ, рѣшительны его остроумные опыты; я охотно предоставляю ученымъ произнести приговоръ объ этомъ предметѣ; но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ спору, что онъ сталъ на вѣрную дорогу и довольно прочно установилъ многіе важные факты. Однимъ словомъ, невозможно говорить о мозгѣ и мысли, и не отдать отчета въ его изысканіяхъ. Книги, въ которыхъ онъ свелъ въ одно цѣлое и популяризовалъ свои труды, составляютъ поучительное и завлекательное чтеніе; тамъ, въ пріятной формѣ, можно найти всѣ главные данныя вопроса *).

Другой ученый, докторъ Лелю (Lelut), членъ академіи, благодаря превосходнымъ трудамъ по фізіологіи мысли, также занялъ видное мѣсто въ наукѣ. Недавно онъ издалъ объ этомъ предметѣ интересное сочиненіе, къ которому приложено нѣсколько специальныхъ мемуаровъ, весьма богатыхъ любопытными фактами. Сочиненіе о *фізіологіи мысли* написано въ очень хорошемъ духѣ, въ томъ духѣ осторожности и сомнѣнія, который можно назвать сократическимъ. Конечно, это направленіе зашло, можетъ быть, уже слишкомъ далеко, такъ, что почти готово переродиться въ скептицизмъ. Трактатъ доктора Лелю, при всемъ богатствѣ содержанія, имѣетъ тотъ недостатокъ, что приводитъ читателя въ уныніе, вызываетъ

*) Кромѣ классическаго труда «Экспериментальныя изысканія о свойствахъ и отправленіяхъ нервной системы» (Recherches experimentale sur les propriétés et les fonctions du système nerveux), Флуранъ издалъ въ популярной формѣ нѣсколько сочиненій, относящихся къ тому же предмету, именно: De la vie et de l'intelligence; De l'instinct et de l'intelligence des animaux; De la phrénologie et études vrais sur le cerveau.